

Алексей ВЕСЕЛКИН родился 21 ноября 1961 года. Прославился, сыграв главную роль в комедии «Нужные люди» (1987), однако сегодня снимается редко. По окончании Театрального училища им. Щукина в Центральном детском театре играл практически во всех спектаклях. На ТВ вел передачи «Будильник», «До 16 и старше», «50х50», «Магазин на диване». Имеет звание заслуженного артиста России.

АЛЕКСАНДР ЯНОВ

В ШКУРЕ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО

Окончание. Начало на стр. 9

— Вас можно назвать старожилем детского вещания.

— Да. Начинал я работу на детском ТВ еще студентом Щукинского училища. «Будильник», «Детский час», «До 16 и старше». Потом я надолго угнездился в музыкальной программе «50х50». Лет на десять.

— Получается, вы стали первым видеом отечественного телевидения?

— Точно, одним из первых был. Это сейчас их пруд пруди — и видеоев, и музыкальных каналов, а тогда хит-парады, клипы — все было в новинку. У нас полно было открытий, которые я сейчас смотрю, и от них тошнит. Например, когда оператор шатает камеру, болтает ее туда-сюда. Испорченные дубли, ошибки, оговорки в кадре — это мы все оставляли. Из этого жанра мы с Ксенией Стриж выжали тогда все, что смогли. Другое дело, что тогда, десять лет назад, все это еще не было индустрией. Тогда весь шоу-бизнес держался на неких «механизмах» публичного действия, а не зависел от личностей.

— Знаю, что вы любите вспоминать 80-е, 90-е годы...

— Еще бы! Золотое было времячко, собирали людей целыми стадионами, такими как «Олимпийский», «Лужники», — и по 20 концертов подряд. Такое вряд ли повторится.

— Неужели все проходило гладко?

— Конечно, случались и ляпы, время-то было сугубо фонограммное. Был однажды сборный концерт, 25 артистов. Я вел конференс. На нем впервые пел приехавший в страну Шуфутинский. И был еще певец из Белоруссии — Александр Солодуха. Так вот, меня предупредили: надо побольше навести пафоса, мол, белорусские ребята нервничают. И вот я прокатываю такую телегу: «Несмотря на то что центробежные силы разъединяют наши народы, белорусские друзья с нами. Музыка нас объединяет!» Такого нагородил! А в конце прибавил: «Я вас очень прошу принять их тепло». Все захлопали, заорали. Выходит этот самый Солодуха, кланяется всему честному на

роду в пояс, бьет по струнам, да как замяукает, заквохчет по-тарабарски!

— Белорусский язык показался таким странным?

— Я сперва решил, что это какое-то специальное этническое горловое пение. А на самом деле пленка в фонограмме перевернулась и стала прокручиваться наоборот. В силу того, что было предупреждение: это очень хорошие артисты, публика в полном оцепенении просидела и прослушала всю песню. Музыканты и Солодуха не могут ни в одну ноту попасть, как рыбы, раскрывают рты, переглядываются. С них пот льет ручьем. Большого позора я никогда не испытывал! А меня опять толкают на сцену. Напустил на себя серьезный вид, выхожу и говорю: «Вы знаете, идет съемка. Сделаем еще дубль. А то у нас техника отказала». Зал только выдохнул: «А-а-а!.. Это, оказывается, песня неправильная, а не мы идиоты».

— Сразу виден опыт конференсье...

— Ну что вы, и у меня случались проколы. Однажды на таком же стадионном мероприятии я должен был назвать спонсоров, 16 наименований. Тогда уже была такая обязателька. Выхожу на сцену, открываю папку. И тут ветер листы из папки веером уносит в сторону! А я уже и рот открыл. Начиная произносить фамилии, называть фирмы. Говорю и говорю, а сам думаю: «Елки-палки, откуда я это помню? Один раз ведь смотрел!» Говорю-говорю, а сам просматриваю оставшиеся листки. И вот на одном из них, последнем, записан: регалии главного, шестнадцатого спонсора. Я этому так обрадовался, что запнулся и... неправильно прочел! Но вообще-то я везучий. Например, когда пришел первый раз в театр — сразу же упал.

— В оркестровую яму?

— Плашмя. И загремел на два месяца в больницу.

— Ничего себе везучий! Пьяны были?

— По пьесе я должен был на коленях проползти по сцене с закрытыми глазами. И про яму я просто забыл. Но, правда, мне сказали, что

это хороший знак, не знаю только к чему. Еще как-то я с пандуса упал и растянул связки, а на следующий день мне на премьере степ танцевать. Вот это сильно было! Вызвали врача, она мне ногу заморозила и вкатила еще анальгин в задницу. Но перед самым спектаклем препарат стал отходить.

— В смысле, заморозка? Или анальгин?

— Не знаю, наверное, и то и другое. Так вот, когда дошло дело до степа, практически все отошло. Говорю: «Ребята, вы давайте внимательнее, аккуратнее, потому что я сейчас буду орать или матом ругаться». Но ничего, станцевал. По пьесе я играл холодильник, там девушка общается с неодушевленными предметами. Танцевал я, стиснув зубы, урча про себя какие-то ругательства, на негнущихся ногах и с деревянной спиной. В общем, натуральный холодульник.

— Кстати, о «неодушевленных предметах». Вы ведь первым стали продавать товары по телевизору?

— Точно, в «Магазине на диване». Скажу сразу: никаких импортных аналогов я не смотрел. Задача была «продать» аудиторию. Самым ломовым товаром у меня была посуда, сервиз состоял из 28 кастрюль и сковородок. И еще с десяток — в подарок. Звонков было беспречно много, но половина из них была из серии «Уберите животное с экрана!». Сначала я даже не понял, какое животное, в кадре только я и кастрюли. Никаких собак и даже мух. Потом дошло — это же про меня! Потому что я вскакивал на стол, бил в кастрюли, орал как оглашенный.

— И вас в итоге выгнали с «Дивана» по многочисленным просьбам зрителей?

— Вовсе нет! Вскоре ко мне привыкли, раскупили все кастрюли, и когда я исчез с экрана на какое-то время, уехал в отпуск, люди обзвонились: «Куда подевался этот прикольный парень?» Потом пошли пылесосы, мини-ванны... В общем, эта передача — серьезная страница в моей жизни. И самым трудным товаром были пылесосы. Сложно соединить техническую информацию и драйв. Сложно уложить это в зрителя. Нормальный человек мо-

жет выдержать час таких съемок. Я держался пять часов. Но и моя психика не выдержала всего этого идиотизма. Я доходил до ручки — швырялся в декорации и окружающих обувь, крышками кастрюль, насадками на пылесос.

— Как же вас умирляли?

— Меня стали втихую подпавать. Съемки были ночные, все пили простой кофе, а мне стали подливать коньяк.

— И вы ничего не заметили?

— Меня убеждали, что это успокаивающий гомеопатический бальзам. И частенько в конце съемок я засыпал на «теледиване», благо он был всегда рядом.

— Говорят, что вы до сих пор водите дружбу с самим Севой Новгородцевым. Как познакомились?

— Да, мы до сих пор приятельствуем, созваниваемся. А познакомились очень давно, в 1988 году. Поехал я в составе делегации в Лондон на театральную стажировку. Впервые из теле- и театральных деятелей, поехал в Англию без переводчика и «друга» из КГБ. Утром, на каком-то завтраке, заходит человек, седой, длинноволосый, ухоженный, с серой в ухе. Спрашивает нас с приятелем: «Вы русские, правда?» В тот же день мы задружились, он даже стал нас возить на своем авто по Лондону, показывать достопримечательности. И как-то ни с того ни с сего я вдруг говорю: «Мы ведь Англию знаем только через футбол, рок-н-ролл и через... как его? Севу Новгородцева». А тип этот, выдержав паузу, из-за руля вдруг как скажет: «А ведь это я». Мы были в шоке: ничего себе, попали в самое гнездо «белого движения»! Потом Сева повез нас на свою передачу на Би-би-си. А там, на радиостанции, нас все приветствовали, хлопали по плечу и приговаривали: «Ну что, ребятки, и вы решили здесь остаться? Будете у нас работать?» — «Нет, — гордо ответили мы, — уезжаем назад в СССР». Бибишные люди смотрели на нас и небось думали: «Вот это да! Вот наступило времячко! Люди из совка на Западе не остаются, а отваливают назад! Значит, действительно что-то меняется»...